

Кирилл Кожурин

Царский путь

Стихотворения 1990—2014 гг.

Кирилл Яковлевич Кожурин
Царский путь.
Стихотворения 1990—2014 гг.

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977159
ISBN 9785447488925*

Аннотация

В книге представлены философско-аллегорическая поэма «Царский путь» (1997—1998), а также избранные стихотворения известного петербургского писателя и поэта Кирилла Кожурина, созданные им на протяжении четверти века. В столь полном объеме поэтические произведения К. Кожурина публикуются впервые.

Содержание

Вступление	8
Часть первая. Бестиарий, или Звериный круг	9
1. Колесница	9
2. Сила	11
3. Отшельник	12
4. Справедливость	13
5. Смерть	15
6. Умеренность	18
7. Демон	19
8. Император	20
9. Луна	21
10. Звезда	22
11. Иерофант	23
12. Любовники	24
Часть вторая. Парад планет	25
1. Солнце	25
2. Жрица	26
3. Маг	27
4. Императрица	28
5. Небесная Молния, или Башня	29
6. Колесо Фортуны	30
7. Мир, или Вселенная	32
Часть третья. Заклятие стихий	33

1. Шут	33
2. Висельник	35
3. Страшный Суд	37
Из книги «Ворожея»	41
«Ворожи да завораживай меня, ворожея!»	41
«Ветер, вея, сновиденья навевал...»	43
«Как Стрибожьи внуки мчались стремглав...»	44
Иродов пляс	46
«В Волхов волокут волхвов...»	47
«Ходит морок по хоромам...»	48
«Скорпион, кровопийца, вампир!»	49
«Выйду я из дома, да не в двери...»	50
Колокола и колокольцы	51
I	51
II	51
«Дажь-бог, даждь мне днесь дождя...»	53
«О-сине небо, сине...»	54
«Говор – мой ворог, язык – мой враг...»	55
«Ой, ты ветер, ветрило, ветрун...»	56
«Ты обаял меня, обаил...»	57
«Ветер дует в дуду – и на гусях волнуются струны...»	58
«Цвет наш – черный. Мы – воронов стая...»	59
«Не ругайте меня, сестрица...»	60
«Вепрем рыщет, ветром свищет...»	61
Песня	62

«То ли слышу, то ли чую...»	63
«Как рыбы две на Запад и Восток...»	64
«Вос-кресай, душа моя...»	65
Из книги «Палимпсесты»	66
Anno Domini CDLXXVI	66
«На коже пишу заклинанье дамасским кинжолком...»	67
«А никто не пришел. Никого не дождались сегодня...»	68
По прочтении «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона	69
«По дороге лунной...»	70
Зигфрид	71
«И опять в руке моей лежала...»	72
Тангейзер	73
Селена	74
Вилланель	75
«Созерцало озера зеркало...»	76
«Усталых не смыкал я глаз...»	77
Нить	78
Тростник	79
Закат	80
«Как в желуде сокрыт могучий дуб...»	81
Gnomai	82
1	82
2	82

Гертруда

Конец ознакомительного фрагмента.

**Царский путь
Стихотворения
1990—2014 гг.
Кирилл Кожурин**

© Кирилл Кожурин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

*По манускрипту скриптора перо
Скрипит, лета скрепляя в цепь литую.
О будущем ли снова затоскую? —
Старинное раскинуто Таро.*

*Но зря я предсказания взыскую
Сих криптограмм, разлегишихся пестро.
Грядущее – как прошлое – старо
Не разделить с речной воду морскую.*

*И только настоящее (где скрип,
Напомнивший плач старого колодца
О гладкие скрижали раздается)*

*Таит в себе, как море многих рыб,
Все времена, что будут и что были
Затерянные среди звездной пыли.*

Часть первая. Бестиарий, или Звериный круг

1. Колесница

Царский путь – золотое кольцо.
Возвратится назад колесница —
И знакомое с детства лицо
В тихом омуте вновь отразится.

Возвратится назад колесница,
Хоть вернется другой фараон.
В тихом омуте вновь отразится
Мне когда-то приснившийся сон.

Хоть вернется другой фараон,
Солнце будет вовек неизменно.
Мне когда-то приснившийся сон
Ярко светит во мраке Вселенной.

Солнце будет вовек неизменно
В океанских глубинах тонуть.
Ярко светит во мраке Вселенной
Золотое кольцо – царский путь.

2. Сила

Вдруг отворилась дверь.
На солнце блещет ярко
Евангелиста Марка
Золотогривый зверь.

Блестящею гондолой
Скользит опять душа,
На ложный свет спеша
По глади вод веселой.

Пролив преодолев,
Куда, в какие страны
Она спешит, о странный
Венецианский лев?

Змеиных уст улыбка,
Змеиных глаз разрез...
То ангел или бес?
Здесь где-то есть ошибка...

3. Отшельник

Сова Минервы вылетает в полночь,
Венерин голубок – средь бела дня.
Крылатый шлем, сандалии крылаты
И оплетенный змеями кадуцей;
Повадки девы и девичий лик.
Какого бога, мужа и героя
Богоявление ныне воспоем?
С небес на нас взирал Меркурий юный,
То тихо улыбаясь, то смеясь.
Свет, влага, числа, ум, необходимость,
Бег времени и, наконец, душа —
Всё родилось из смеха Трисмегиста:
Семь смехов – семь планет и семь пороков.
А в небесах на сфере золотой
Ветрам объятья раскрывала птица,
Над опустевшим садом нависая...
Сова Минервы вылетает в полночь,
Венерин голубок – средь бела дня.

4. Справедливость

И вспыхнул свет. И скрылся мрак.
Лениво в дверь вползает рак.
Он словно что-то ищет...
И тихо-тихо свищет:
«Далекий край, чудесный край,
Мой мальчик, ты не забывай! —
Туда вернешься снова
Из Города земного».

Средь усыпальниц и колонн
Обломанных проснулся он —
Орфический ребенок,
Чьей лиры звук так звонок.
Через магический кристалл
Весь мир его очам предстал.
Зазеленели лавры
Меж старых кладбищ Лавры.

Далеких флейт прозрачный звук
Молчание нарушил вдруг.
Но слышен сквозь напевы
Шаг молчаливой девы.
В руках качаются весы
И меч зажат. И бьют часы —
Средь ангелов печали

Куранты прозвучали.

5. Смерть

Всё движется по замкнутому кругу...
Всё это было... Было... Но когда?
Я помню ту волхвующую выюгу
И образ, сотворенный из льда...
Разлившись в нескончаемую фугу,
Мотив, звучавший в прежние года,
Всё движется по замкнутому кругу.

«Всё это было?» – Было. – «Но когда?
В каких навек утраченных мгновеньях?»
Какой там снег! Исчезла и вода
В колодезных засохших сновиденьях —
Река, стремившаяся в никуда;
Цепь, не заботившаяся о звеньях.
Всё это было. Было. Но когда?

Я помню ту волхвующую выюгу,
Снежинок вифлеемских круговерть,
Глаза, от удивленья или с испугу
Расширенные, синие, как твердь
Небесная. Небесную супругу
Тогда я в тех глазах увидел – Смерть.
Я помню ту волхвующую выюгу...

И образ, сотворенный из льда,

Впечатался в душе клеймом железным,
Пока в ночи зажженная звезда
Своим светила светом бесполезным...
Я думал: «Неужели навсегда
Исчезнет – неизбежной жертвой безднам —
И образ, сотворенный из льда?»

Разлившись в нескончаемую фугу,
Теченья двух, таких похожих рек,
Невольно устремленные друг к другу,
Окаменевший удивляли век
И наводнили звуками округу.
Была весна и снова таял снег,
Разлившись в нескончаемую фугу...

Мотив, звучавший в прежние года,
Порою зазвучит далеким эхом —
И мертвые воскреснут города,
Опять к земным разбужены утехам.
Зовет, влечет, берет в полон тогда,
Стелясь в ногах медвежьим нежным мехом,
Мотив, звучавший в прежние года.

Всё движется по замкнутому кругу:
Светила, боги, души и тела.
Все птицы, улетающие к югу,
Вернутся с возвращением тепла.
Что ж по зеленому тоскуешь лугу,
Душа моя? Иль ты не поняла:

Всё движется по замкнутому кругу!..

6. Умеренность

Белое молчанье лилий,
Спрятавшихся в камышах...
Тщетно ли они молили?
Тщательно ль таили страх?

Факелы тигровых лилий
Ярко запылали вдруг:
Огненные взмахи крылий,
Страстные сплетенья рук.

Царственные отраженья
Лилий в серебре зеркал.
Чудного преображенья
Некогда не ты ль искал?

7. Демон

Словно снежное наважденье,
Возвратилось моё сновиденье
Из глубин лабиринта зеркал.
Снова нежное это растенье
Возросло средь оскаленных скал.

На серебряной амальгаме
Заплясало черное пламя,
И отчетливо вдруг возник
В том дурманящем фимиаме
Ослепительно-белый лик.

Четкий профиль снежной камеи
Становился темней, темнее —
И неожиданно в огне запылал,
Словно в танце ночном Саломеи,
В смертном танце семи покрывал...

8. Император

Зрачок его застыл на глади моря ртутной,
Над черной пропастью склонился темный лик —
И вот на глубине таинственной и смутной
Забился рыбкою голубоватый блик...

Седую пеною вскипает поминутно
И превращается в клокочущий родник
Поверхность ровная — и в пестроте лоскутной
Переливается, меняясь каждый миг...

Но вспыхнет вдруг лицо, зажженное рубином;
Предстанет смертным он в багряном нимбе львином,
Избранник Вечности, забывший Смерти страх, —

И в тигле огненном, неспешно остывая,
Заплещется волна червонно-золотая,
Лишь в императорских отражена зрачках

9. Луна

Лейте, лейте слезы ныне,
Лунные богини!
По равнине синей-синей
Бродят берегини.

Уж Луна, кругла, светла,
Между башнями взошла,

Осветила сонный мрак —
И в пруду проснулся рак.

Шум дневной давно умолк
Только воют пес и волк,

И дорога вьется вдаль,
И нечаянна печаль.

Лейте, лейте слезы ныне,
Лунные богини!
По равнине синей-синей
Бродят берегини.

10. Звезда

Изида, Изольда, Жизель...
Далеких созвучий свиданье.
В крещенскую прорубь, в купель
Отдал драгоценную дань я.

Стою, над водой наклонясь,
Любуясь внезапным явленьем, —
Невещная выросла связь
Меж мной и моим отраженьем.

И голубем имя взлетев
Тонуло в небесной купели —
Взошел драгоценный посев
И мертвые птицы запели.

И лунные лики богинь
Светили над снежной равниной —
Почти почерневшая синь
Звездой отзывалась единой...

11. Иерофант

На голове его – из золота венок.
Хитон пурпуровый так пламенно блистает,
Что смертным кажется: с небес спустился бог.

Когда же танец он священный начинает,
Сверкая радугой золототканых риз,
На землю истинно нисходит Дионис.

Изящный стан колонн вдруг оплетают лозы,
И слышится вблизи рычание пантер,
Вакханок возгласы, нескромный смех гетер.
Прозрачный виноград льет радостные слезы.

Над лугом кружатся хрустальные стрекозы,
Как стаи маленьких Амуров и Венер.
В ночи Иерофант, таинник звездных сфер,
Являет дивные свои метаморфозы.

12. Любovníки

Вепрь морской под парусом червлёным
Мчится по дороге лебедей.

Окоем сомкнулся с небосклоном,
Как моя душа – с душой твоей.

Это только зелье, только зелье
Унесло нас в огненную даль...
Хрусталя небесного веселье.
Льдин исландских древняя печаль.

Жаждет влаги дно сухое кубка.
Жаждут опалённые уста.
Поцелуй твой – словно с оцтом губка
На устах распятого Христа!

В тишине, медлительные, тают
Льдины – безглагольно, словно дым,
И слова обетов прорастают
Средь могил терновником живым.

Часть вторая. Парад планет

1. Солнце

Сомкнулось цветов колдовское кольцо.
Не в зеркале вижу свое же лицо;

Но только нежнее и тоньше черты.
Ответь же скорее: ты – я или *ты*.

Смеется неясной усмешкой двойник,
Как море – изменчив, как смерть – многолик.

Две рыбы – глаза ледяные его.
Уста – саламандры живой колдовство.

Сплетаются змеи твои, о Гермес!
Вдруг солнечных капель – тринадцать – с небес.

Смешались различья и сходства черты.
И я уж не знаю: где я, а где – ты...

Единую душу в единую плоть
Воссоединяет навеки Господь.

2. Жрица

...И тысячеименная Исет
Устами до того безмолвной жрицы
Рекла: «Я – то, что было, есть и будет.
Никто из смертных не приподнимал
Покрова моего». Ее слова
Начертаны на статуе в Саисе.
Лица под многоцветным покрывалом
Едва угадываются черты...
На трепетном челе пылают розы
И месяца серебряного свет.
В плащ бархата полнощного одет
Упругий стан с отливом нежным бронзы.

Кто умирят в море бури, грозы?
Весной земле несет зеленый цвет?
Лишь ты одна, о, Mater Dolorosa,
О, тысячеименная Исет!
Виссон таинственного покрывала,
Под коим ты извечно лик скрывала,
Переливается, открыть маня...

Но что увидим, кроме бездны черной,
Покров рукой откинув непокорной,
Свет погасив Небесного Огня?

3. Маг

И сон ли – жизнь, и жизнь ли – сон?
Звучат две ноты в унисон.

Из звуков скованный мотив
Царит в душе, покой смутив.

Но жизнь – есть жизнь, и сон – есть сон,
А смерть – пурпуровый виссон.

Живем ли мы иль видим сны —
Мы ей одной обручены.

Хоть нечет выпадет, хоть чет,
А Лета вспять не потечет.

Лишь в руки нам пойдет игра —
Глядишь, и снова в путь пора...

И жизнь ли – сон, и сон ли – жизнь?
На все ответ единый – смерть.

4. Императрица

Мне говорил в Александрии маг:
«В твоей судьбе чудесно отразится
Светил благоприятных вереница.
Звезда морей – фаросский твой маяк.

Тебе покорен будет Зодиак,
Когда душа покорная смирится, —
И на престол взойдет Императрица,
Меж Небом и Землей свершится брак.

Я вижу: понесла она во чреве;
На златолиственном блистает древе
Вселенную в себе таящий плод;

И Солнцем Облаченную Женою
Рожденный вновь из лона темных вод,
Ты вновь пойдешь дорогою земною».

5. Небесная Молния, или Башня

Разрушена огнем небесным башня,
Увенчанная золотой короной, —
Из трещин звонко сыплются монеты.
О, не грустите, безземельный принц!
Что ваша Аквитания – Гекубе?
Что вам – Гекуба, а Гекате – Геба?
Сокровища далекой Тапробаны,
Все прежде вам подвластные феоды,
Владения китайских богдыханов —
Ничтожны, по сравнению с тем наследством,
Которое вы не смогли сберечь...
К чему ж грустить? Пускай на землю льются
Из вашей башни звонким водопадом
Дукаты золотые и короны —
Не перевесить им слезы единой,
Где плавают и Солнце, и Луна.

6. Колесо Фортуны

О Фортуне
Станем втуне
Карты мы раскладывать.
Завтра – в князи
Иль на грязи? —
Ни к чему загадывать.

Круг Фортуны —
Словно лунный,
Вечно переменчивый...
Всяк свой жребий
Сыщет в небе —
Наглый иль застенчивый.

В круговерти
Люди, черти
То взлетят, то падают.
В целом свете
Игры эти
Никого не радуют.

Теплым маем
Мы играем,
Пьем, поем, дурачимся...
Но от Смерти

В круговерти
Бешеной не спрячемся!

7. Мир, или Вселенная

Всё из воды. Вода была в начале.
И Божий Дух носился над водою,
В себе отображавшей Божий Лик.
Когда вверху... Но не было ни верха,
Ни низа – ни названий, ни имен...
Вдруг вспыхнуло в ночи всемирной Слово —
Как троекратный гром, раздалось ДА.

Я был тогда могучею рекою,
Вместившею в себе безмерность моря.
Я тек через леса, долины, горы,
Порой торжественно и величаво,
Порой спеша, бурля и суетясь;
Я тек, минуя времена и страны,
Чтоб снова влиться в пурпур волн морских.

Всё из воды и станет вновь водою.
В слезе прозрачной дремлет Океан
И мир преобразается чудесно,
И свет во тьме, и небо, и земля,
И звезды, и растения, и птицы,
И рыбы. Но всего на свете лучше —
Вода... *Для лучших вод подъямлю парус!*

Часть третья. Заклятие стихий

1. Шут

Мешок дорожный за спиной
И посошок – всегда со мной.
Я выбрал в небе журавля.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!

Средь снежных гор, среди песков
Корабль веселый дураков
Плыл без ветрил и без руля.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!

Потом – на славу иль позор? —
Зашед на королевский двор,
Я стал шутом у короля.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!

Король был шут – и королем
Я сразу сделался при нем;
Я правил, дурня веселя.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!

Ничто не вечно под луной —

И в ящик покровитель мой
Сыграл к исходу февраля:
«Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!»

Тогда, дорожный взяв мешок
И вновь зацветший посошок,
Поймал я в небе журавля.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!

2. Висельник

«Скрип» да «скрип» в лесу средь ночи,
В тишине – сойдешь с ума!
А вокруг взгляни – хоть очи
Выколи – такая тьма.
Понадеешься на Бога,
Оплошав! Ну, где ж дорога?!
Кличешь, кличешь – уж охрип...
А в ответ лишь «скрип» да «скрип».

Всё сильнее и сильнее,
Всё отчетливее звук...
На суку, с петлей на шее,
Мертвеца я вижу вдруг.
Боже правый! Что же это?!
И уже не до ответа —
Тело на чужих ногах
Прочь уносит липкий страх.

Но бегу я прочь напрасно —
Всюду он передо мной,
Освещен безумно-красной,
Новорожденной луной.
На березе розоватой
Все качается, проклятый...
Не смолкает страшный скрип.

Я погиб, погиб, погиб!..

3. Страшный Суд

*

Путь вверх и вниз – всегда для всех один.
Так капли, упдающие с неба,
Пронзают землю до глубин Эреба,
Чтоб воспарить в сияющий притин.

Чтоб снова возвратилась радость мая,
Безмолвие мерцающее льдин
Мы постигаем, Логосу внимая.

* *

Мы постигаем, Логосу внимая,
Что жизнь – лишь тени тень, что смерти – нет.
Костлявая, беззубая, хромая,
Она вотще острит тупой стилет.

Мы ждем, когда покров свой сбросит Майя
И с высоты прольется чудный свет...
Но во Вселенной ночь царит немая.

* * *

Но во Вселенной ночь царит немая

И звезды меж собой не говорят,
Когда, забыв завещанный обряд,
Мы думаем, что царский путь – прямая.

Так нас ведет средь мертвенных долин
Дорогою, ведущею из Рая,
Безмолвный мрак, сознания господин.

* * * *

Безмолвный мрак – сознания господин,
Но нас дурманит губительный напиток —
И небеса свиваются, как свиток,
И зверь багрян выходит из глубин.

Пустынен мир, покрытый хмарой серной...
И словно Феникс посреди руин —
Одна любовь, огонь, горящий мерно.

* * * * *

Одна любовь, огонь, горящий мерно
В безмерности вселенных и времен,
Сама себе и мера, и закон,
Возносится над смертью эфемерной.

Сошедшая с сияющих вершин,
Она живет, не тронутая скверной,
В тебе, о сердце, пламенный рубин!

* * * * *

В тебе, о сердце, пламенный рубин, —
Грядущее из праха воскресенье.
Ты слышишь в небе ангельское пенье?
Ты видишь – расцветает Райский Крин?

То, выводя на свет из мглы пещерной,
Своею смертью смерть поправший Сын
Указывает путь во тьме неверной.

* * * * *

Указывает путь во тьме неверной
Господь, уничтожая времена, —
И в небе просветлевшем письма
Горят: «Ex oriente lux aeterna».

Душа! Забудь про горечь дольних вин,
Познав медовость горнего фалерна, —
Путь вверх и вниз – всегда для всех один.

* * * * *

«Путь вверх и вниз – всегда для всех один», —
Мы постигаем, Логосу внимая.
Но во Вселенной ночь царит немая,
Безмолвный мрак – сознанья господин.

Одна любовь – огонь, горящий мерно
В тебе, о сердце, пламенный рубин! —
Указывает путь во тьме неверной.

Из книги «Ворожея» 1993

«Ворожи да заволаживай меня, ворожея!»

Ворожи да заволаживай меня, ворожея!
Обрываешься ты, текущая, бегущая струя.

То не чистая-пречистая бежит-течет вода —
Утекает золотистая, кровавая руда.

Ворожи да заволаживай меня, ворожея!
Ты скорее замораживайся, кровушка моя.

Солнце всходит белой глыбою да сыплет соль в глаза.
В Окияне белой рыбою плыви, моя слеза.

Ворожи да заволаживай меня, ворожея!
По сиреневому Сирину стреляти из ружья.

Не забуду птицу вещую – железное перо
Жжет, палит и распаляет ярим пламенем нутро.

Во утробе Огневицы, девы огненной семь-я.
Ворожи да заворяживай меня, ворожея!

«Ветер, вея, сновиденья навевал...»

Ветер, вея, сновиденья навевал.
Вечер вече свистом вещим созывал.

Ветви рук моих склонял я до земли.
В вены рек моих пускал я корабли.

Вы плывите, корабли мои, вперед!
Как на мне да пресечется древний род.

В море остров с садом есть, да в том саду
Никогда уже не вырасти плоду.

Вей же, ветер, сновиденья навевай,
Да навьём меня живым не называй.

«Как Стрибожьи внуки мчались стремглав...»

Как Стрибожьи внуки мчались стремглав,
Не касаясь позолоченных глав,

Мчались выше золоченых крестов,
Мчались ниже кучевых облаков.

Я внизу во поле вольном стоял,
Ветры-вихри на себя накликал:

«Гой еси ты, Государь Сатана!
Подымайся-ко с бездонного дна,

Загорайся полем огненной ржи,
Вора сердца моего ворожи.

То не враг мой в овраге горит,
То пылает мой несысканный скит.

По скитам-китам подводным брожу,
Только сердца здесь я не нахожу.

В небе звездочка-денница видна.
Поищи-ка сердце там, Сатана!»

Иродов пляс

С головою оловянною,
С головнею деревянною

По дороге да по сломанным словам,
По растоптанным ступаю соловьям.

Саломея, Саломеюшка!
В пляс пустися-ко ты, змеюшка.

Извивайся, что веревочка вита,
Саломея, не жалея живота.

Одарю тебя желанною
Головою Иоанновой.

«В Волхов волокут волхвов...»

В Волхов волокут волхвов,
В Волгу волоком волков.
Волооокий, с поволокой
Взор блуждает одинокий.
Один-отчества не знает,
Он в себе таит, что тает,
Снежный ком земного шара,
Шорох древнего кошмара.

«Ходит морок по хоромам...»

Ходит морок по хоромам,
Воет хором похоронным,
По корме, по карме ходит,
Хороводы в водах водит.
Одичалый, алый морок.
С ним сорок железных сорок —
Коромыслят по хоромам
Опереньем похоронным.

«Скорпион, кровопийца, вампир!»

Скорпион, кровопийца, вампир!
Я в ампир бы устроил вам пир
(Скотобойни чернеют от крови).
Сокровенные крови покровы
Поцелуем сжимаются жал,
Но жалеет – не жалит – кинжал,
Вдруг прикинувшись киником в схиме.
Мне останется только имя:
На пергаменте взгляда влюблённого —
Скоропись скорпионова.

«Выйду я из дома, да не в двери...»

Выйду я из дома, да не в двери.
Выйду со двора, да не в ворота.
Расползайтесь вы по норам, звери!
На проклятыя иду болота.

Там растёт разрыв-трава-разлука —
Разомкну замки я той травой.
Стрелочкой каленою из лука
Разлучу навек тебя со мною.

Как твои уста — медовы соты.
Как мои уста — пчелины жала.
Ошалело смотришь отчего ты?
Отчего рука вдруг задрожала?

Выйду я из дома, да не в двери.
Выйду со двора, да не в ворота.
Для твоих костей нарву костери —
Утром не добудятся кого-то...

Колокола и колокольцы

I

О, колокола, колокола!
Кольца колокольчатой кольчуги
Колченоги ноги у лачуги
Колчеданом золочен колчан
Колокольчик кольчатый клокочет
Опрокинув киновари чан,
Захохочет и опять захочет
Опрокинуть в море-окиян
Вскачь по кочкам и по кучкам кочет
Колет колдуна игла кола
Около кола – колокола.

II

Колоколец около колец.
Колдуном расколота колода.
Коляда повесила у входа
Года високосного венец.

Колесом кружа о-коло леса,
Ока леса, колоса ресниц,
Високосный висельник-повеса
Пал пред околесицею ниц.

Новый Год, приблизясь, облизнулся,
Словно Алигъериева рысь.
Высоко-высоко ока высь.
Окунь ока в небо окунулся.

«Дажь-бог, даждь мне днесь дождя...»

Дажь-бог, даждь мне днесь дождя,
Синеглазого вождя!

Вожделею только чуда...
Чудотворец иль Иуда

Отворяет дверь мою? —
Верю, бездны на краю,

Я в неведомо виденье,
Наважденье, возрожденье...

«О-сине небо, сине...»

О-сине небо, сине,
Что синь огонь горит.
И синий на осине
Иудушка висит.

Тоска моя – осока,
Высокая трава,
Так высока-высока,
Что кругом голова.

Соколики летели,
Всё в южные края —
А мы по ним хотели
Стреляти из ружья.

«Говор – мой враг, язык – мой враг...»

Говор – мой враг, язык – мой враг.
На уста положи мне медный пятак,

А на очи – ночь, словно «Отче наш».
Пропоеет петух – ты меня предашь.

Но не выдаст Бог, Сатана – не съест.
Зацветет в огне кипарисов крест.

«Ой, ты ветер, ветрило, ветрун...»

Ой, ты ветер, ветрило, ветрун,
Ты коснися настроенных струн,

Причастися стремительных струй,
Закружи, завьюжи, заволхвуй!

Где купались в заре купола,
Где купальская ночь отцвела —

Два лебяжьих крыла подними,
Ими сердце моё обними.

«Ты обаял меня, обаил...»

Ты обаял меня, обаил
Своими байками, Баюн.
Я забавлял и позабавил
Тебя звучаньем вещих струн.

Баян, баюкал без боязни,
Что усыплю тебя совсем,
В том самый день, когда до казни
Всего-то дней осталось семь.

«Ветер дует в дуду – и на гусях волнуются струны...»

Ветер дует в дуду – и на гусях волнуются струны.
Взгляд в волне утонул – и теперь уже не разберу,
Что же значат на моря руне сокровенные руны.
Ветер свищет в свирель – и свирелью я стал на ветру.

Я – свирель, я лечу в небеса и не верю, что кто-то
Там остался еще из ушедших в безумье богов.
И один, словно Один, гляжу на гнилое болото,
Прежде бывшее морем безумных, пророческих снов.

«Цвет наш – черный. Мы – воронов стая...»

Цвет наш – черный. Мы – воронов стая,
Стая вещей Перуновых птиц.
Над сожженной землей пролетая,
Мы на землю не падаем ниц.

Дети Неба и Смерти супруги,
Не страшны нам земные костры.
Наши крылья легки и упруги.
Наши клювы и когти остры.

О насущном не думая хлебе, —
Мы не пахари, не косари —
Пролетаем в бледнеющем небе,
Облаченные в пурпур зари.

«Не ругайте меня, сестрица...»

Не ругайте меня, сестрица,
Что я пью из того копытца.

То ли сладок мне яд болота,
То ли в нём отразился кто-то...

Только вдруг я взлетел над домом,
Всё увидев таким знакомым.

Только вдруг, всё узнав на свете,
Снова в крепкие пойман сети —

И никак не могу напиться
Я из дьявольского копытца.

«Вепрем рыщет, ветром свищет...»

Вепрем рыщет, ветром свищет,
Завывает и стучит.

То ль в ночи кого-то ищет,
То ль кого в ночи таит...

Только капли, капли, капли
Бьют в расплавленный мой мозг —
Словно огненные цапли
Расклевали красный воск.

То ль бежит-течет потоком
Воску ярого река,
То ли на небе высоком
Проплывают облака...

Только капли, капли, капли
Ткут свою паучью сеть.
Бес ли там, в ночи, арап ли? —
Сквозь стекло не разглядеть.

То ль в ночи кого-то ищет,
То ль кого в ночи таит...
Вепрем рыщет, ветром свищет,
Завывает и стучит.

Песня

Как во поле, во поле
Зашумели тополи.

В них тонули вопли
И совсем утопли.

А на каждой веточке —
Атамана деточки.

Откатились бочки —
Ягоды-грибочки!

Шла я по дороженьке —
Вижу чьи-то ноженьки.

Выше посмотрела —
Вся тут помертвела:

Друга вижу милого,
Да уже остылого.

Стал алтарь могилой.
Господи, помилуй!

«То ли слышу, то ли чую...»

То ли слышу, то ли чую,
То ли дома не ночую —
Всё лечу я и лечу я
С птицею бессонницей.

То ли солнце расплескалось,
То ли только показалось...
Что с душой моею стало,
Идолопоклонницей?

Посреди долины ровной
Болью явится зубовой,
Более единокровной,
Чем сестра родимая —

На ухо шепча об осах
И о смерти острых косах,
Раскаленный даст мне посох
Тьма непроходимая.

«Как рыбы две на Запад и Восток...»

Как рыбы две на Запад и Восток
Извечно уплывают друг от друга...
Веками изувеченная выюга
Мне возвестит известняков восторг.

Изгнание торгующих из Храма,
Хранилища, в котором скрыт острог!
Но острога вонзается упрямо
В тела двух рыб, упавших на песок.

«Вос-кресай, душа моя...»

Вос-кресай, душа моя,
Из кресала и кремня,
Из воды да из огня —

Незалитым пламенем,
Незабытым именем,
Непрожитым временем!

Воскресай с душою, плоть!
Отворил врата Господь,
Время мельницам молоть.

В те моленны-мельницы
Внидут богомольницы,
О Христе печальницы.

В небе смолк вороний грай.
Ой, душе моя, зыграй!
Светлым светлый близок рай.

Из книги «Палимпсесты» 1993—1995

Anno Domini CDLXXVI

Там, за окном – Империи закат
Иль утренние сумерки Европы?
Осталось нам лишь строить гороскопы
Да вспоминать, кем были год назад.

Без боя сдался златовратый Град...
К чему тараны, лестницы, подкопы?
И вот уже вчерашние холопы
Сегодня свысока на нас глядят.

По стогнам речь разносится чужая,
И варвары глумятся, обнажая
Отеческих пенатов алтари.

Лициний! На заливе ждут галеры —
Отправимся, последние цари,
На поиски не новой – *нашей* – эры.

«На коже пишу заклинанье дамасским клинком...»

На коже пишу заклинанье дамасским клинком.
Я с тайными знаками был до рожденья знаком.

И сам только знак я на замше замшелых камней.
Значенье – неясно, его не отыщешь темней.

На коже кровавые выступили письмена.
Омытая кровью, крадется за лесом луна.

Впивается в нежную шею голодный зрачок,
И тайные знаки на коже выводит клинок...

«А никто не пришел. Никого не дождались сегодня...»

А никто не пришел. Никого не дождались сегодня.
Только день. Только ночь. Только месяц. И год. И века.
Только музыки звуки – те звуки молчанья Господня.
Только где-то течет уходящих мгновений река.

Через час, через день, через год, через тысячелетье
Будет всё, как сейчас, хоть другой нарисуют пейзаж.
Я иль кто-то другой, иль другая, иль третий, иль
третья, —
Всё течет и течет уходящих мгновений река.

Золотая река – и забрасывать сети напрасно.
Золотая рука клавикорда касается струн, —
Зубы выбиты все, но отчетливо слышно и ясно,
Как с Востока идет обезумевший, бешеный гунн.

Не догнать в никуда навсегда уходящие воды.
На речном берегу лишь услышишь рассказ тростника
Про песок золотой и про флейту уснувшей природы...
А она всё течет, уходящих мгновений река.

По прочтении «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона

О, скальды скал, оскалившихся грозно
На волн морских змеиные тела!
Для тела, что родилось слишком поздно,
Душа не слишком рано ль отцвела?

В Валгалле разговаривала с Браги,
Входила в золотых видений дом
И, поэтической испивши браги,
Божественным вещала языком.

«По дороге лунной...»

По дороге лунной,
На поляне звездной
Овен златорунный
Пасся ночью поздно.

А пастух усталый
Шел за ним уныло.
Тусклый свет на скалы
Пролило светило.

И в тумане млечном
Лунною дорогой
Брел в молчанье вечном
Овен златорогий...

Зигфрид

Пришла весна. Берестяные руны
Зеленой распускаются листвою.
И мне поют, пьянея, в небе луны
Про Нибелунгов перстень золотой...

Благоуханье Суттунгова меда,
Как море, разливается вокруг.
Ликует воскрешенная природа.
Плывет по Рейну ясеновый струг.

Всевышний Бог! Проплыть сто тысяч миль дай,
Чтоб убедиться, что – не сон, не сон!
Что нежною валькирией Брунгильдой
При жизни я в Валгаллу вознесен.

«И опять в руке моей лежала...»

И опять в руке моей лежала
Совершенно гладкая ладонь,
И опять слегка она дрожала,
И какой-то жег ее огонь.

Отчего таинственные знаки
Не оставили на ней следа?
Иль напрасно золотые злаки
Поливала кровь моя, руда?

Эти рыбы бледно-голубые
На замерзшем озере лица —
Словно две враждебные стихии,
Неразлучные внутри кольца.

Эти губы, розовые нежно...
Эти руки... Нет, не удержать!
На пергамент кожи белоснежной
Наложила смерть свою печать.

Что ж ты позади, Орфей, увидел?
Отчего весь вдруг окоченел?
Не в пламеннодышащем Аиде ль
Наконец узор тех рук узрел?

Тангейзер

Оставив Рим, уходят пилигримы,
Благуя разнося по свету весть,
Что посоху вновь суждено расцвести —
Язычник днесь прощен непримиримый.

(Как передать восторг неповторимый,
Когда вдруг узнаешь, что чудо – есть?
Ведь большего восторга в мире несть.
И ангелы спускаются, незримы.)

От чар освобожденный, наконец,
Проснулся очарованный певец
И снова он обетам прежним верен.

В сиянии Елизаветы глаз
Исчез, как наважденье, грот Венерин.
Для чистых душ спасенья пробил час!

Селена

Как в раковине жемчуг драгоценный,
В пещере мною скрыт Эндимион.
Он вечно спит и вечный видит сон,
Укрыт от солнца рощею священной.

А ночью я всхожу на небосклон,
Ведь свет мой сохраняет плоть нетленной.
Неувядаем, кто любим Селеной,
Вселенской красотою наделен.

Пусть говорят, что Ночь со Смертью – сестры
И что одна с другой неразделимы.
О, Ночь! Ты – жизнь. Одной тобой живу.

Придешь ли ты – Морфей покров свой пестрый
На мир набросит, лик явив любимый,
С которым я в разлуке наяву.

Вилланель

Играет Дафнис на свирели,
От зимнего проснувшись сна.
И горицвет цветет в апреле.

Весны дождавшись еле-еле,
Зане душа его полна,
Играет Дафнис на свирели.

Прелестны раздаются трели,
Когда приходит к нам весна
И горицвет цветет в апреле.

Как среброзвонкия капли
Нам звуки дарит тишина,
Играет Дафнис на свирели.

Так пусть, пока мы не истлели
И светит нам в ночи луна,
Играет Дафнис на свирели
И горицвет цветет в апреле!

«Созерцало озера зеркало...»

Созерцало озера зеркало
Зеркала венецианских глаз.
Ночь зерно Венерино мерцало.
Утром дивный свет его угас.

И умолк, растаявши в рассвете,
Светлых плакальщиц далекий хор.
На заре волхвуют в Назарете
Валтасар, Каспар и Мельхиор.

По границе серого гранита
Юный сон шагает в унисон
С песенкой, давно уже забытой.
Но тебе, тебе не снится он.

В некий час в стеклянной оболочке
Скажешь ты: «Мне странно встретить Вас...»
И сорвется окончанье строчки
В зеркала венецианских глаз.

«Усталых не смыкал я глаз...»

Усталых не смыкал я глаз,
Листая фолианты...
Пробили девятнадцать раз
Весны твоей куранты.

И вот опять перед собой
(Как будто не впервые)
Увидел в дымке голубой
Я очи голубые.

И Лидо, и песчаный пляж,
И Пьяцца ди Сан-Марко —
Вмиг дорисован мой пейзаж,
Как в сновиденье, ярко...

Нить

Переверни страницу в книге —
Голубокрылый мотылек,
Неся бумажные вериги,
Лежит, засохши, между строк

(Супруг возлюбленный Психеи
В который умирает раз?).
Александрийския камеи
Напоминают мне о Вас:

Ваш тонкий профиль Птолемея,
Под шлемом вьющаяся прядь...
Смогла двухцветная камея
Все краски мира передать.

Вот так ряды воспоминаний
Встают, как бы ряды зеркал.
И в них божественных сияний
Не раз я отсветы встречал...

Тростник

Полузакрытое полуоткрыто веко.
Нет, слишком яркий свет мучителен глазам!
И я, как тот маркиз осьмнадцатого века,
Склонивши голову, внимаю, звуки, вам.

Волшебник Куперен! Тростинок хрупких ропот
И мельниц ветряных игрушечный пейзаж —
Чредою призрачной под еле слышный шепот
Вот так является мне сон прозрачный ваш.

И больше ничего. Остановилось время.
Усталый маятник безжизненно висит.
Но мне не позабыть тех, звездных взглядов бремя
И голос в вечности — магический магнит.

Смешались города, и времена, и лица...
Первоначальное открылось бытиё.
Но где-то в тростнике сидит цветная птица,
Переливается и песенки поёт.

Закат

Ланцетом острым вскрыл я голубые вены,
И медленная кровь – пурпурный вялый спрут —
По ванне растеклась за несколько минут
И всю окрасила, рождая вздохи пены.

Паросский мрамор ал, а струи всё текут.
Не могут задержать их мелкой ванны стены.
Воспоминания подобной этой сцены
Уже ни в чьей душе по смерти не умрут.

Вот так же я хочу (всё было уж когда-то),
Как гордый римлянин, оставить этот мир.
Ни слова не сказав, на середине пир

Покинуть, но успеть увидеть луч заката...
Заплачет раб, кого любил нежнее брата,
И выпьют вновь друзья под переливы лир...

«Как в желуде сокрыт могучий дуб...»

Как в желуде сокрыт могучий дуб,
Иное тело зреет в нашем теле.
И падают сорвавшиеся с губ
Слова, что музыкой давно созрели.

В удобренную борозду уйдет
Последнее, безжизненное семя.
Но вечностью беременное время
Свой золотой донашивает плод.

Gnomai

1

Остановясь на середине склона,
Неосторожно в бездну посмотрел —
И ранен был стрелою Аполлона,
Безжалостней Эроса острых стрел.

2

Писать стихи совсем не трудно —
Труднее не писать стихов:
Окованные рифмой скудной,
Они живут века веков.

И как откажешься от славы
Вечнозеленый бросив лавр?
И входишь в портик величавый,
Где поджидает Минотавр...

«Militat omnis amans»*, – изрек премудрый Овидий.
Носит каждый солдат в ранце фельдмаршальский жезл.

* «Каждый влюбленный солдат» (*лат.*)

Гертруда

(баллада)

Где серая в море глядится скала
В древах, зеленой изумруда,
У самого синего моря жила
Блаженная дева Гертруда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.